

Научная статья
УДК 340.11
DOI 10.33184/pravgos-2024.2.21

Original article

ПУЧКОВ Олег Александрович
Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: poa001@usla.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5039-0594>

PUCHKOV Oleg Aleksandrovich
Ural State Law University named after
V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia.

ПРАВО В ЗЕРКАЛЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

LAW IN THE MIRROR OF HIGH TECHNOLOGY: COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGAL
DEVELOPMENT TRENDS

Аннотация. В статье анализируются проблемы и тенденции современного права, появление которых связано с широким использованием новых цифровых технологий. Показаны факторы, обуславливающие создание высокотехнологичного права, способные влиять на скорость рассмотрения дел в судах, на эффективность норм процессуального исполнительного права. Отмечаются возникающие терминологические проблемы, в частности делается вывод о том, что действующее законодательство Российской Федерации не дает легальных определений понятий «высокие технологии», «цифровая среда», «цифровое право», «информационные технологии». Это приводит к некорректному доктринальному толкованию и трудностям применения норм права. Раскрывается тезис о том, что цифровые инновации могут быть широко внедрены в практику правотворчества и правоприменения на основании Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». При этом отмечается, что в Российской Федерации отсутствует эффективный механизм стимулирования инновационных процессов, который должен затрагивать не только производителей инновационных технологий, но и их потребителей. Анализируется законодательство об инновациях и делается вывод о нарушении баланса между цифровыми правами при фактическом отсутствии норм о цифровых обязанностях граждан и организаций. Опираясь на изучение законодательного и правоприменительного опыта ряда стран Европы и США, автор делает вывод о том, что наиболее восприимчивой к новым цифровым технологиям стала отрасль исполнительного (судебного) права, в особенности доказательственное право, что может служить ориентиром для других сфер правового регулирования.

Abstract. The article analyzes the problems and trends of modern law, the emergence of which is due to the widespread use of new digital technologies. The article shows the factors causing the creation of high-tech law, capable of influencing the speed of consideration of cases in courts and the effectiveness of norms of procedural executive law. The emerging terminological problems are noted, in particular, it is concluded that the current legislation of the Russian Federation does not provide legal definitions of the concepts of «high technology», «digital environment», «digital law», «information technology». This leads to incorrect doctrinal interpretation and difficulties in applying the rules of law. The thesis is revealed that digital innovations can be widely introduced into the practice of lawmaking and law enforcement on the basis of the Federal Law «On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation». It is noted that in the Russian Federation there is no effective mechanism for stimulating innovation processes, which should affect not only producers of innovative technologies, but also their consumers. The article analyzes the legislation on innovation and concludes that there is an imbalance between digital rights in the virtual absence of norms on the digital responsibilities of citizens and organizations. Based on the study of legislative and law enforcement experience of a number of countries in Europe and the USA, the author concludes that the branch of executive (judicial) law and especially evidence law has become the most receptive to new digital technologies, which can serve as a guideline for other areas of legal regulation. It is also

Также делается вывод о том, что эффективность инноваций в цифровой среде вообще и в праве в особенности тормозится неготовностью участников общественных отношений осуществлять компетентное внедрение новых цифровых технологий в повседневные практики юридического процесса. Теоретические выводы настоящего исследования получены благодаря применению методов восхождения от абстрактного к конкретному, дедукции, анализа и преобразования понятий. В юридическом аспекте результаты, связанные с интерпретацией действующего законодательства, обусловлены применением метода сравнительного правоведения и метода толкования норм права.

Ключевые слова: право, законодательство, цифровые права, инновационные цифровые технологии, правоприменительный процесс, принципы цифровизации права

Для цитирования: Пучков О.А. Право в зеркале высоких технологий: сравнительный анализ тенденций правового развития / О.А. Пучков. – DOI 10.33184/pravgos-2024.2.21 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 163–172.

concluded that the effectiveness of innovations in the digital environment in general and in law in particular is hampered by the unwillingness of participants in public relations to competently implement new digital technologies into everyday practices of the legal process. The theoretical conclusions of the present study are obtained through the application of the methods of ascent from the abstract to the concrete, deduction, analysis and transformation of concepts. In the legal aspect, the results related to the interpretation of the current legislation are due to the application of the method of comparative law and method of interpretation of legal norms.

Keywords: law, legislation, digital rights, innovative digital technologies, law enforcement process, principles of digitalization of law

For citation: Puchkov O.A. Law in the mirror of high technology: comparative analysis of legal development trends. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 163–172 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.21.

ВВЕДЕНИЕ

Право не может находиться вне инновационных процессов, поэтому одним из объектов постоянного внимания российского законодателя является цифровизация права. Право подчиняется возникающим закономерностям в информационной среде и инновациям в социальной жизни. Так, вошли в привычный оборот онлайн-торговля и электронная коммерция. Как следствие, возникли новые вопросы о защите прав потребителей, конфиденциальности данных, электронных договорах и электронной подписи, правовом регулировании электронных платежей. Право адаптируется к новым технологическим возможностям и создает нормы для регулирования электронных транзакций.

Другой драйвер цифровизации права возник благодаря киберпреступности. Ее распространение потребовало обеспечения безопасности пользователей Сети. Развитие цифровых технологий породило новые виды преступлений, связанных с компьютерами и сетями. Право отреагировало правовыми средствами, обеспечивающими кибербезопасность: были разработаны новые законы, направленные на

защиту от хакерских атак, краж личных данных, мошенничества в сфере онлайн-банкинга и других киберугроз¹.

Наконец, в цифровую эпоху права авторы интеллектуальной собственности столкнулись с новыми вызовами. Цифровое распространение информации и контента (музыка, фильмы, книги, статьи и т. д.) породило сложности в обеспечении защиты авторских прав и предотвращении пиратства. Поэтому государство ищет новые правовые возможности, чтобы защитить правообладателей в цифровой среде, регулирует управление цифровыми правами [1] и усиливает юридические меры их защиты.

Управление цифровыми правами (Digital Rights Management, DRM) – это набор технологий, механизмов и правовых средств, которые используются для контроля и защи-

¹ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ // Российская газета. 2017. 31 июля ; О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федеральный закон от 31.07.2023 № 408-ФЗ // Российская газета. 2023. 2 августа ; Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (с изм. от 29.07.2017 № 241-ФЗ) // Российская газета. 2006. 28 июля.

ты цифрового контента. DRM предназначены для ограничения несанкционированного распространения, копирования, изменения и использования цифровых материалов, таких как музыка, фильмы, книги и программное обеспечение. Основная идея управления цифровыми правами была разработана для защиты авторских прав и контроля за распространением в Сети цифрового контента. Цель DRM состоит в том, чтобы дать правообладателям контроль над использованием и распространением их цифрового контента, защитить его от нелегального копирования и распространения, обеспечить соблюдение авторских прав. Однако оппоненты DRM утверждают, что оно ограничивает права потребителей и создает препятствия для легального использования цифрового контента. Некоторые сторонники открытого программного обеспечения и свободного обмена информацией критикуют DRM как ограничительную меру [2, с. 119]. Реализация цифровых прав выражается в использовании новых технологий и подходов, таких как шифрование, цифровые подписи, системы управления лицензированием и контроля доступа и т. п. Все эти «технические» операции своим юридическим содержанием имеют такие субъективные правомочия, как право требовать передачи вещи (вещей); право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг. В рамках осуществления указанных правомочий реализуются как аппаратные, так и программные механизмы.

Под воздействием указанных обстоятельств, а также ряда других создается новая техносоциальная и техноэкономическая парадигма, которую можно именовать информационно-технологической, когда информация становится не только средством труда, но и его предметом; происходит тотальный процесс постоянного обновления эффективных технологий, возникают ранее неизвестные характеристики инновационной среды, влияющие на право. В результате технологической конвергенции с социумом формируются новые институты права и средства юридического влияния на общественные процессы.

ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Резкий рывок, совершенный правом в первой четверти XXI в., привел к появлению новых отраслей и институтов права, а также к обогащению арсенала средств юридического воздействия на регулируемые общественные отношения. В то же время теоретико-правовая наука не всегда успевала осмысливать процессы внедрения новейших технологий в правовую систему. Усиление инструментального характера современного права, сопровождающееся ослаблением право-идеологических принципов, не получило должной оценки учеными, а развитие технологических инноваций и цифровизации в праве не привело к появлению принципиально новых оценок тех тектонических сдвигов, которые произошли в общественном сознании, экономике, культурной жизни социума и частной жизнедеятельности субъектов права.

Если в 90-е годы XX в. инновации относились в основном к технологиям, то сегодня они охватывают более широкий спектр видов социальной практики: сферу искусственного интеллекта, интернет вещей, новые методы работы с большими данными, создание новых бизнес-моделей и рынков и т. д. Это также выбор верных идей и быстрое, эффективное выполнение бизнес-стратегий. Многие национальные программы нацелены на развитие инноваций на основе схем поддержки, платформ технологий, инкубаторов, финансовых инициатив и на развитие в связи с этим исследований и разработок [2, с. 119].

Обратимся к более ранним попыткам осмыслить феномен инноваций и новых технологий. Так, в «Советском энциклопедическом словаре» инновация определяется через термин «новообразование», что представляется сомнительным, а под технологией понимается «совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, форм сырья, материалов или полуфабриката, осуществляемых в процессе производства продукции»². Более того, технология трактуется как наука, в задачу которой входило «выяв-

² Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 499.

ление физических, химических, механических и других закономерностей с целью определения и использования на практике наиболее эффективных производственных процессов»³.

Представители современного российского правоведения стараются подойти к осмыслению инноваций в праве с учетом понимания специфики технологий вообще. Так, авторы статьи «Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния», опубликованной в журнале *Herald of the Euro-Asian Law Congress*, справедливо отмечают, что инструментальный подход к цифровым технологиям в праве «основывается на буквальном (словарном) значении слова "технология", в рамках которой под "технологией" понимается совокупность средств и методов организации определенного процесса, как правило, производственного. С учетом этого в рамках данного подхода на первое место выступает инструментальный аспект технологий, их способность влиять на скорость, и, как следствие, эффективность определенных процессов» [3, с. 60]. Авторы также признают, что, несмотря на нетождественность терминов «информационные технологии» и «цифровые технологии», на нормативном и доктринальном уровне восприятия и того и другого понятия подразумевают «искусственный подход» [3, с. 60].

Становится очевидным, что тенденция правоведения заключается в том, чтобы следовать в русле сложившихся традиционных трактовок понимания инноваций и технологий. При этом можно обнаружить их достаточно вольную интерпретацию. Например, П.Г. Шеленговский полагает, что инновации можно определить посредством ключевого слова «деятельность». Автор отмечает, что понятие «инновация» в российской и зарубежной литературе определяется как «...использование в той или иной сфере общественного производства результатов интеллектуальной (научно-технической) деятельности, направленной на совершение процессов деятельности или ее результатов» [4, с. 168]. Определение понятия «деятельность» через близкие или тождественные понятия едва ли оправданно. Однако автор статьи ограничивается перечислением тех феноменов, которые, по его мнению, относятся к инновационной

деятельности: открытие закономерностей, свойств и явлений материального мира, изобретения (научные или технические), ноу-хау и др. Автор также полагает, что инновации можно подразделить на локальные, отраслевые, глобальные и, в зависимости от научной принадлежности, на экономические, политические и иные, а также по областям применения (технические, технологические, организационно-управленческие и др.). По воздействию на процесс производства П.Г. Шеленговский подразделяет инновации на рационализирующие, расширяющие, замещающие [4, с. 170]. Становится понятным, что в таких обстоятельствах у цитируемого автора преобладает инструментальный подход, а не интегративный, предполагающий комплексное, системное использование инновационных средств преобразований, позволяющих отображать в своем единстве многоаспектное видение права.

Обратим внимание на тот факт, что в законодательстве Российской Федерации отсутствует термин «цифровые технологии», но содержится легальное определение понятия «информационные технологии». Так, в п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» под информационными технологиями понимаются «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов». Большинство исследователей полагают, что в целом аналогичный подход к пониманию информационных технологий реализован в программных документах, регулирующих развитие и реализацию цифровых и информационных технологий в праве» [5; 6].

Механизм стимулирования развития технологий отражен во многих актах федерального законодательства. Например, в федеральных законах от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» механизм стимулирования инноваций выражен достаточно отчетливо.

Тем не менее только в Федеральном законе «Об информации, информационных тех-

³ Там же. С. 1338.

нологиях и защите информации» (п. 8 ст. 3), регулирующем отношения, возникающие из применения информационных технологий, предусмотрен важнейший принцип деятельности в этой сфере – принцип технологической нейтральности, согласно которому «недопустимо установление нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных технологий перед другими, если только обязательность применения определенных информационных технологий для создания и эксплуатации государственных информационных систем не установлена федеральными законами»⁴.

В этой связи следует согласиться с мнением В.Н. Южакова и А.А. Ефремова, которые полагают, что «базовый закон в сфере информационных отношений ориентирует государственное управление исключительно на применение информационных технологий, а стратегическое планирование сводит к участию в разработке и реализации целевых программ применения информационных технологий» [6, с. 63]. В аспекте такого подхода, по мнению авторов, законодательство Российской Федерации в этой сфере не нацелено на выявление, предотвращение и устранение препятствий в реализации потребностей общества в применении информационных технологий, а также на создание стимулов для их развития.

Цифровизация в Российской Федерации является приоритетным направлением экономического, социального, политического развития государства. Согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» «цифровые инновации – новые или существенно улучшенные продукт (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новые метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, введен-

ные в употребление, созданные или используемые по направлениям, предусмотренным частью 2 статьи 1 настоящего Федерального закона, с применением технологий, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации, а по направлению, предусмотренному пунктом 4 части 2 статьи 1 настоящего Федерального закона, Центральным банком Российской Федерации».

В настоящее время принята и реализуется новая Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 и программа «Цифровая экономика Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632. В этих актах явный акцент сделан на достижение долгосрочных целей. Но каковы в этом аспекте тактические цели технологического развития и инноваций, в том числе в правовой сфере? Пока на этот вопрос ответа нет.

Как следствие, приходится констатировать отставание Российской Федерации от стран – лидеров цифровизации. В частности, в рейтинге стран по уровню развития электронного правительства Российская Федерация занимает 30-е место (на 2020 г.)⁵, по индексу цифровой конкурентоспособности – 39-е место⁶.

Следует согласиться с мнением В.Н. Южакова и А.А. Ефремова о том, что «большинство документов ориентировано не на развитие, а на применение ИТ и масштабное создание новых государственных информационных систем ... практически отсутствует определение рисков и правовых ограничений развития ИТ, недостаточно четко определены организационные ограничения и стимулы развития ИТ и т. д. [6, с. 66]. Авторы справедливо отмечают, что большинство стимулов в сфере развития информационных технологий свелось к налоговым льготам и импортозамещению, и предлагают наряду с другими стимулами законодательно закрепить меры не только по налоговому, но и организационному стимулированию цифровизации (вне-

4 О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей : Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19, ст. 2302.

5 В 2014 г. Российская Федерация по этому индексу занимала 27-е место, 35-е место – в 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.imd.org/unpload/IMD.Wec/PDFSource/RU_digital.pdf (дата обращения: 17.10.2023).

6 В 2016 г. Российская Федерация по этому индексу занимала 40-е место, в 2017 г. – 42-е [Электронный ресурс]. URL: https://www.imd.org/unpload/IMD.Wec/PDFSource/RU_digital.pdf (дата обращения: 17.10.2023).

дрению инновационных технологий), иными словами, стимулировать не только производителей инновационных технологий, но и спрос на них (то есть организации, внедряющие инновационные технологии).

Безусловно, выявление недостатков в правовом регулировании инновационных технологий в Российской Федерации непосредственно касается и инновационных процессов в российском праве. Наряду с этим тенденцией правового развития стало появление новых научных понятий, отражающих реальные процессы цифровизации в праве: «киберправо», «высокотехнологичное право», «цифровое право», «смарт-право» и др. [7; 8].

Так, Л.В. Бертовский делает вывод о появлении нового феномена – высокотехнологичного права. Автор полагает, что внутренней стороной права (очевидно, так понимается им содержание права) является использование высоких технологий для решения задач, появляющихся в процессе правоприменения, а внешней стороной – регулирование общественных отношений, возникающих при их использовании. Таким образом, делает вывод автор, «высокотехнологичное право – это такой логистичный, наукоемкий и технологичный регулятор общественных отношений, который, с одной стороны, использует высокие технологии в процессе правоприменения, а с другой – регулирует возникающие с ними отношения» [5, с. 742]. Однако такое определение, на наш взгляд, является неполным. Это связано с тем, что критерий технологичности (в том числе права) – это способность к производству новых продуктов. Таким образом, речь идет о возможности права продуцировать инновационные нормативные правовые акты, способные эффективно и в кратчайшие сроки урегулировать любое правоотношение, возникающее в цифровой среде.

Как отметил вице-президент интернет-суда в г. Ханчжоу (КНР), «ведение дел на более высокой скорости – это и есть современное право, потому что задержка правосудия приравнивается к отказу в правосудии» [5, с. 741].

Однако высокотехнологичное право, по нашему мнению, не должно реализовываться только в правоприменении, несмотря на то что этот подход с 2017 г. стал широко распространяться в Китае [9]. На наш взгляд, высокотехнологичное право в единстве с алгоритмами

искусственного интеллекта и технологией Big data (большие данные) должно быть интегрировано в сферу правотворчества, иначе право в эпоху цифровизации никогда не преодолеет свой разрыв между постоянно развивающимися общественными отношениями. Понятно, что есть и объективные причины, тормозящие цифровизацию самого права. Они кроются как в психологических аспектах (неготовность законодателей, правоприменителей к инновациям и пр.), так и в аспектах сугубо технологических (отсутствие единой среды доверия, нерешенность проблемы идентификации пользователей цифровой среды, высокая степень абстрактности права вообще и сложности с их переводом на язык алгоритмов и т. д.).

Отметим, что цифровые права, о которых сказал отечественный законодатель в ГК РФ еще в 2019 г., ныне представляют собой достаточно совершенную правовую конструкцию. В соответствии со ст. 141.1. ГК РФ «1. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

2. ...обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо». Справедливо задаться в этой связи вопросом: насколько эта законодательная новелла способна повлиять на технологичность права? На наш взгляд, совершенно очевидно, что данная юридическая конструкция порождает необходимость создания соответствующей цифровой платформы, позволяющей не только эффективно реализовывать цифровые права, но и обеспечить безопасность реализации цифровых прав.

В то же время следует обратить внимание на то, что, стремясь следовать «духу времени», отечественный законодатель уделил

внимание цифровым правам, однако при этом несколько затушеввал «цифровые обязанности», которые по какой-то причине не попали в текст ГК РФ. Тем самым нарушается принцип баланса прав и обязанностей, снижается точность языка закона и его эффективность. Не лишним будет напомнить в этой связи ст. 18 Конституции РФ, устанавливающую следующее: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Отсутствие в данной конституционной норме указания на юридические обязанности человека следует признать серьезным упущением отечественного законодателя. Данный пробел сказывается и на отраслевом регулировании. Так, ст. 434 ГК РФ предоставляет свободу заключения, например, сделок и содержит прямое дозволение (изложенное в ч. 2) на создание и движение электронных документов (то есть таких документов, которые передаются по каналам связи, включая электронную почту). В то же время более конкретные требования (обязанности) к соблюдению формы электронных документов, идентификации сторон в электронном правоотношении остались за рамками внимания отечественного законодателя.

В настоящее время в России действует ряд федеральных законов, определяющих основные направления развития и тенденции цифровизации права: от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья»⁷, от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁸, от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹. Например, Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» содержит принципы

обеспечения безопасности личности, общества и государства, прозрачности и открытости экспериментального правового режима, равноправия претендентов и др. При этом в п. 7 ст. 4 этого закона говорится о принципе «минимизации отступлений от общего регулирования», который, на наш взгляд, содержит в себе потенциал нежелательного торможения создания новых видов, форм и способов экономической деятельности.

О проблемах цифровизации права также упоминают авторы статьи «Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния». Среди наиболее важных – проблема допустимых пределов влияния цифровых технологий в российском и зарубежном гражданском процессе, проблема статуса инструментального подхода, проблема влияния цифровых технологий на саму суть юрисдикционных процессов по защите гражданских прав, проблема дисбаланса в развитии цифровых технологий в гражданском процессуальном праве, при котором преобладает экстенсивное развитие цифровой составляющей в гражданском судопроизводстве, и др. Авторы справедливо замечают, что, «будучи способом (формой) осуществления правоприменительной деятельности, цифровые технологии не могут не оказывать воздействие на содержание данной деятельности; массированное и/или радикальное внедрение таких технологий способно оказать воздействие не только на отдельные институты гражданского процессуального права, но и на его принципы, топологию, саму суть правоприменительной деятельности по гражданским делам» [3, с. 59]. Указанные трансформации в отраслевом регулировании не проходят гладко и безболезненно. Остается сожалеть, что повсеместное внедрение электронного правосудия остается пока несбыточной мечтой. Между тем активное внедрение ГАС «Правосудие», Единой информационной системы нотариата и других программных продуктов современного уровня говорят о возможностях нашей правовой системы и ее готовности воспринимать новые тренды XXI в. В этом отношении ряд стран (Франция, Италия, Португалия) уже полностью перешли, например, на новые принципы приказного производства, в рамках которого применяются не вспомогательные цифровые

⁷ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Там же.

⁹ Там же.

технологии, но технологии, позволяющие осуществлять исполнение судебных решений онлайн, в рамках дистанционного общения сторон. К слову, судебные власти в ФРГ и Австрии также запустили аналогичные пилотные проекты, направленные на совершенствование исполнительного производства, основанного на цифровых платформах. В рамках этого направления предусматривается переход к полуавтоматической обработке состязательных документов и доказательств по «малым серийным делам» без участия человека и проведение устных слушаний с формированием средствами искусственного интеллекта предварительного «медиативного» решения, утверждаемого человеком. Кроме того, в ФРГ допускается электронный формат общения между судебным исполнителем и взыскателем, что ускоряет процесс исполнения судебных решений¹⁰.

В США тоже активно идут процессы цифровизации права, особенно в доказательственном праве. Как известно, в досудебную стадию в США включаются следующие процессуальные действия: 1) определение юрисдикции; 2) обмен состязательными бумагами (the Pleading Stage of the Case); 3) раскрытие доказательств (discovery); 4) досудебное урегулирование спора; 5) досудебное совещание судьи с адвокатами сторон [10, с. 158]. При этом, например, на этапе раскрытия доказательств стороны могут представлять суду копии электронной переписки в любом объеме, а также сведения из чатов в мессенджерах, что признается судами США как разновидность письменного соглашения сторон, равно по юридической силе обычному договору на бумаге с подписями и печатями.

Еще одно направление цифровизации в праве США связано с гарантиями гражданам при использовании технологий искусственного интеллекта. Пока речь идет о проекте нормативного правового акта под названием «Билль о правах в области ИИ-технологий». Документ призван послужить ориентиром в деле создания, разработки и внедрения ИИ-технологий и других автоматизированных систем для защиты прав американцев. Проект Билля предлагает наделить граждан США следую-

щими основными правами: 1) на безопасные и эффективные ИИ-системы; 2) на защиту от алгоритмической дискриминации; 3) на конфиденциальность персональных данных; 4) на уведомление о применении автоматизированной системы и о том, как и почему ее работа воздействует на результат, который, в свою очередь, оказывает влияние на граждан; 5) на альтернативу ИИ-системе – контакт с человеком в случаях, когда это оправданно¹¹. В этом же направлении движется и Европейский союз, который также намерен принять акт об ответственности за вред, нанесенный технологиями с использованием ИИ.

Как следует из изложенного, для всех стран, в которых идут процессы цифровизации права, характерна проблема взаимодействия человека и цифровых технологий. В отношении правоприменительной деятельности процесс цифровизации затрудняется тем, что это наиболее консервативная сфера правовой системы. При этом вызывает большие вопросы способность какой бы то ни было технологии осуществлять за человека познавательную деятельность, направленную на установление фактических обстоятельств дела, определять сам круг обстоятельств, имеющих правовое значение. Весьма сложным с теоретической точки зрения представляется вопрос о том, как заложить в алгоритм возможность усмотрения, которая, как известно, не только не отрицается законодателем, но сознательно закрепляется им в деятельности любого правоприменителя.

Поэтому, несмотря на некоторые недостатки правовой базы, осложняющие правовое стимулирование высоких технологий, тем не менее следует признать, что цифровые технологии стали реальностью не только судопроизводства, но и исполнительного производства, а также нотариата и третейского разбирательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Право в информационную эпоху играет очень важную роль, так как в современном

10 Гражданский процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия в ред. от 05.12.2005 // Вестник федерального законодательства (BGBl). I. S. 3202.

11 В США опубликован проект гарантированных гражданам прав при использовании ИИ-систем [Электронный ресурс]. URL: <https://d-russia.ru/v-ssh-opublikovan-proekt-garantirovannyh-grazhdanam-prav-priv-polzovani-ii-sistem.html> (дата обращения: 05.10.2023).

обществе информация стала одним из самых ценных ресурсов и существенным элементом повседневной жизни людей. В информационную эру право адаптируется к новым вызовам и возможностям, связанным с обработкой, передачей и использованием информации.

Одна из ключевых задач права в информационную эпоху – найти баланс между свободой доступа к информации и защитой прав и интересов граждан. Право должно учитывать различные аспекты, включая право на конфиденциальность и защиту персональных данных, свободу слова и информации, правовыми средствами вести борьбу с дезинформацией и нелегальным контентом.

В цифровую эпоху право должно продолжать развиваться и адаптироваться к новым вызовам и инновационным технологиям. При этом важно соблюдать права и свободы граждан в цифровой среде, обеспечивать защиту данных и информационную безопасность, содействовать развитию инноваций и цифровой экономики.

Трудности процесса цифровизации права выражаются в том, что имеются сложности в доступе граждан и организаций к технологическим ресурсам. Не все правоохранительные органы и учреждения имеют доступ к современным технологиям, что затрудняет процесс цифровизации правовой системы.

Усугубляется проблема информационной безопасности и обеспечения конфиденциальности данных. Цифровизация права требует высокого уровня защиты данных и конфиденциальности, что сложно обеспечить в условиях роста киберугроз.

Имеется проблема обеспечения должного уровня квалификации в пользовании современными цифровыми технологиями, получающими применение в правовой системе, так как недостаточно доступных образовательных ресурсов. С этим также связана проблема стандартизации и совместимости систем обработки информации. Различные государственные органы и учреждения нередко используют разные программные и аппаратные средства, что затрудняет совместимость и обмен информацией между ними.

В плане проблем правотворческой деятельности следует отметить, что цифровизация права требует своевременного обновления и изменения действующего законодательства, разработки новых правовых норм и коррекции государственной политики в области высоких технологий. В частности, стала актуальной проблема разработки законодательства Российской Федерации в области искусственного интеллекта, а также обеспечения безопасности его широкого применения в общественной жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пышнова Е.С. Цифровые права: что это и нужны ли в Гражданском кодексе Российской Федерации / Е.С. Пышнова, Т.В. Конопляникова [Электронный ресурс] // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 10-8 (79). – С. 47–51. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-chto-eto-i-nuzhny-li-v-grazhdanskom-kodekse-rossijskoj-federatsii> (дата обращения: 14.01.2024).
2. Газизова А.И. Развитие системы «Наука – образование – производство» в Турции как ключ к созданию национальной инновационной системы / А.И. Газизова // Известия Уральского отделения Российской академии образования. Образование и наука. – 2009. – № 4. – С. 116–121.
3. Брановицкий К.Л. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния / К.Л. Брановицкий, И.Г. Ренц, Ал.В. Незнамов, Ан.В. Незнамов, В.В. Ярков // Herald of The Euro-Asian Law Congress. – 2018. – № 2. – С. 56–68.
4. Шеленговский П.Г. Особенности интеллектуальной собственности и инновации в Российской Федерации / П.Г. Шеленговский // Вопросы российского и международного права. – 2016. – Т. 6, № 12А. – С. 167–173.

REFERENCES

1. Pyshnova E.S., Konoplyannikova T.V. Digital rights: what is it and are necessary in the Citizenship code of the Russian Federation? *Evrasijskij soyuz uchenyh = Eurasian Union of Scientists*, 2020, no. 10-8 (79), pp. 47–51. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-chto-eto-i-nuzhny-li-v-grazhdanskom-kodekse-rossijskoj-federatsii>.
2. Gazizova A.I. Development of the «Science – Education – Production» system. *Izvestiya Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii obrazovaniya. Obrazovanie i nauka = News of the Ural Branch of the Russian Academy of Education. Education and Science*, 2009, no. 4, pp. 116–121. (In Russian).
3. Branovitskii K.L., Renz I.G., Neznamov A.V., Neznamov A.V., Yarkov V.V. Digital technology and civil procedure: problems of interinfluence. *Herald of The Euro-Asian Law Congress*, 2018, no. 2, pp. 56–68. (In Russian).
4. Shelengovskii P.V. Features of intellectual property and innovation in the Russian Federation. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2016, vol. 6, no. 12A, pp. 167–173. (In Russian).

5. Бертовский Л.В. Высокотехнологическое право: понятие, цели и перспективы / Л.В. Бертовский // Вестник РУДН. Юридические науки. – 2021. – Vol. 25, № 4. – С. 735–749
6. Южаков В.Н. Направления совершенствования правового регулирования в сфере стимулирования развития информационных технологий / В.Н. Южаков, А.А. Ефремов // Российское право. Образование. Практика. Наука. – 2017. – № 5. – С. 62–69.
7. Лебедь (Ефремова) В.В. Актуальные проблемы киберправа (обзор материалов Второй международной летней школы по киберправу) / В.В. Лебедь (Ефремова), Н.Н. Телешина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 2. – С. 173–183.
8. Овчинников А.И. Цифровые права как объекты гражданских прав / А.И. Овчинников, В.И. Фатхи // Философия права. – 2019. – № 3 (90). – С. 104–115.
9. Шереметьева Н.В. Особенности электронного правосудия в КНР / Н.В. Шереметьева, И.В. Батуро, У.Шуан // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 159–163. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-elektronnogo-pravosudiya-v-knr> (дата обращения: 14.11.2023).
10. Ермакова Е.П. Цифровизация гражданского судопроизводства в США: закрепление процедуры электронного раскрытия доказательств («e-discovery») / Е.П. Ермакова // Государство и право. – 2022. – № 11. – С. 153–162.
5. Bertovsky L.V. High-tech law: concept, genesis and prospects. *Vestnik RUDN. Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 735–749. (In Russian).
6. Yuzhakov V., Yefremov A. Directions of improvement of legal regulation in the field of development of information technologies stimulation. *Rossiiskoe Pravo. Obrazovanie, Praktika, Nauka*, 2017, no. 5, pp. 62–69. (In Russian).
7. Lebed' V.V. (Efremova), Teleshina N.N. Topical problems of cyber law (Review of the 2nd International Summer School on Cyber Law). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2014, no. 2, pp. 173–183. (In Russian).
8. Ovchinnikov A.I., Fathi V.I. Digital rights as objects of civil rights. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2019, no. 3 (90), pp. 104–115. (In Russian).
9. Sheremeteva N.V., Baturо I.V., Shuan Y. Features of electronic justice in the PRC. *Pravo i praktika = The law and Practice*, 2020, no. 2, pp. 159–163 Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-elektronnogo-pravosudiya-v-knr>.
10. Ermakova E.P. Digitalization of civil proceedings in the USA: consolidation of the procedure for electronic disclosure of evidence («e-discovery»). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 11, pp. 153–162. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пучков Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Puchkov Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law named after S.S. Alekseev.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 07.04.2024; принята к публикации 09.04.2024. The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 07.04.2024; accepted for publication 09.04.2024.